

Бурятский язык: вопросы выживания

Buryat language: questions of survival. This article discusses some issues of the history of the Buryat language. There is given a data of sociological research on the level of proficiency among school and preschool children. This article proposes ways to solve the problem of vitality of the Buryat language based on a review of the linguistic situation and ways to solve such problems in other languages.

Развитие современного бурятского литературного языка, обособившегося от общемонгольского ядра – старомонгольской письменности – началось в 1930-х гг. В 1931 г. вместо старомонгольской письменности, служившей письменной формой бурятского литературного языка, был внедрен латинский алфавит с добавлением некоторых букв. В том же году одновременно со сменой графики в основу бурятского литературного языка был положен халха-монгольский язык, но затем, спустя непродолжительное время, его основой стало «селенгинское наречие», так называемое «ц-акающее», наиболее близкое как халха-монгольскому и другим монгольским языкам, так и некоторым говорам собственно бурятского языка. По имеющимся архивным материалам, хранящимся в ЦВРК ИМБТ СО РАН, этому предшествовала представительная научная лингвистическая конференция. Но пятилетие при новом алфавите и новом литературном языке оказалось в целом неудачным, поскольку диалектная основа была чуждой для большинства бурят.

По итогам лингвистической конференции 1936 года, в которой принимали участие не только ученые из Бурятии, но и ученые из Москвы, Ленинграда, Калмыкии, учителя сельских школ, партийное руководство республики, было принято решение о переходе на «восточно-бурятское наречие», так называемый «h-акающий» диалект, под которым в настоящее время подразумевается хоринский диалект. Это решение было закреплено совместным Постановлением Президиума ЦИК БМАССР и бюро Бурят-Монгольского обкома ВКП (б) от 20 августа 1936 г. № 152/8 [1, с. 46-47].

Имеющиеся в фондах ЦВРК материалы конференции (доклады, выступления в прениях и т.д.) дают основание полагать, что политическое решение о переводе на данный диалект было принято до самой конференции. Основным мотивом перевода литературного языка на другую диалектную основу, согласно выступлению основного докладчика – Председателя ЦИК БМАССР И. Дампилона, была борьба с панмонголизмом, идеями национал-демократов, главным идеологом которых был назван проф. Базар Барадин.

Следующее совместное Постановление Президиума ЦИК и Бюро ОК ВКП (б) от 14 декабря 1936 г. уточнило пункт 3 Постановления от 20 августа того же года. В пункте первом Постановления от 14 декабря приводится утвержденный алфавит бурят-монгольского языка, в котором содержится 29 букв. Постановление республиканского ЦИК было подкреплено соответствующим Постановлением Президиума ЦИК СССР от 7 марта 1937 г. В последнем (союзном) постановлении приведен также алфавит нового литературного языка.

В лингвистическом плане среди причин смены диалектной основы литературного языка участниками называются: общепонятность нового литературного языка для подавляющего большинства бурят (БМАССР включала в себя бывшие Усть-Ордынский бурятский автономный округ и Агинский бурятский автономный округ) в отличие от «селенгинского диалекта», носители которого составляли небольшую долю от числа всех бурят, развитость и стройность грамматики и т.д. Даже при условии отсутствия дискуссии и, тем более, противников введения в качестве диалектной основы h-акающего диалекта, выступление Н.Н. Поппе было примиряющим. В своем докладе он, в частности, говорил: «Литературных языков, совпадающих полностью с разговорной речью, как в смысле произношения, так и грамматики, а особенно словарного запаса и стиля не бывает». В заключение он подчеркивает: «Задачи, которые стоят перед нами в настоящее время, таковы: всемерно приблизить литературный язык к массам».

Конец 1930-х годов в Советском Союзе ознаменовался новой волной смены алфавитов национальных языков. На смену повальной латинизации пришла кириллизация. Это было вызвано тем, что национальные окраины страны жаловались на трудности в изучении двух разных графических систем

– русской и латинской для национального языка. Кроме того, некоторые исследователи ссылаются на отказ ВКП (б) от идей мировой революции и переход на сплочение и единство народов внутри страны.

Эта кампания в Бурятии была легитимирована Постановлением Бюро Бурят-Монгольского обкома ВКП (б) за подписью Секретаря БМ ОК ВКП (б) Игнатъева. В п. 4 данного Постановления (из протокола № 77 объединенного заседания Бюро Бурят-Монгольского обкома ВКП (б) от 11 февраля 1939 г.) предписано утвердить разработанный и представленный ГИЯЛИ проект бурят-монгольского алфавита на основе русской графики и основ орфографии; оформление введения нового алфавита в законодательном порядке; определен срок введения нового алфавита с 01 мая 1939.

Президиум Верховного Совета БМАССР, в свою очередь, издал Указ от 28 апреля 1939 г. о переводе бурят-монгольской письменности на русский алфавит (НАРБ, ф. 248, оп. 11, д. 113, л. 108). В те же годы были утверждены правила бурятской орфографии и пунктуации. Таким образом, в истории бурятского литературного языка была проведена последняя крупная реформа, в результате которой сформировался в общих чертах облик современного литературного языка.

После вывода из состава Бурят-Монгольской АССР двух округов (1937), развитие бурятского языка в основном концентрируется в республике. Практика преподавания в бурятских школах и классах предметов общего цикла в Республике на бурятском языке продолжалась вплоть до 1950-х годов. В эти годы обучение на бурятском языке ограничили 5-м классом.

В 1981 г. лет Бюро Бурятского обкома КПСС приняло Постановление «Об улучшении изучения бурятского языка и литературы в общеобразовательных школах Республики» (№ 229 от 30 декабря 1981 г.), имевшее позитивное влияние. С этого периода снова вводится преподавание всех предметов на бурятском языке в 1-4 классах бурятских школ и бурятских классах смешанных школ. В это же время возникло обучение бурят-учащихся русских классов бурятскому языку как иностранному (так называемая «третья программа»). С принятием республиканского Закона «О языках народов Республики Бурятия» от 22 июня 1992 г. № 221-ХП обучение бурятскому языку в школах активизировалось. На этой волне обучением бурятскому языку были охвачены и дети небурятской национальности, предмет в большинстве случаев был включен в перечень обязательных предметов в учебных планах школ.

Двадцатилетие благоприятствования закончилось в 2013-2014 гг. при принятии республиканского Закона об образовании, вслед за российским, и Федерального государственного стандарта основного общего образования (Утв. приказом МОиН РФ от 17 декабря 2010 г. № 1897). В результате республиканский Закон «Об образовании в Республике Бурятия» (от 13 декабря 2013 года №240-V) был принят без статей, регламентирующих преподавание, изучение государственных языков Республики Бурятия и получение образования на родном языке из числа языков народов Российской Федерации. Эти статьи (10.1 и 10.2) были введены отдельным Законом РБ где статьей 10.1 регламентируется свободный выбор изучения государственных языков Республики Бурятия в соответствии с законодательством об образовании Российской Федерации.

В настоящее время, по данным Министерства образования и науки, изучение бурятского языка в общеобразовательных организациях представлено следующим образом: в 99 школах из 472 (21 %) бурятский язык изучается как родной – 8279 детей (6 %), в 354 школах¹ как государственный – 60768 учащихся (43,7 %), в общей сложности изучают бурятский язык в обеих формах – 69047 детей (49,7%).

В 2015 году с целью выявления уровня знания бурятского языка детьми бурятского происхождения МОиН РБ инициировано масштабное социологическое исследование с участием всех школ Республики Бурятия, которое выявило, что из 42235 учащихся – бурят хорошо говорят на бурятском языке 16432 (38,9 %), плохо говорят – 14722 (34,85 %), не знают языка – 11443 (27,09 %). Проведенная экспертами работа в школах подтвердила основные тенденции состояния бурятского языка в данных учреждениях.

В 2016 году подобное исследование было проведено с целью выявления уровня знания бурятского языка детьми-дошкольниками бурятского происхождения. По оценкам, предоставленным сотрудниками ДОО, выявлено, что 29,4 % детей хорошо владеют бурятским языком, плохо владеют – 23,2 % и не владеют – 48,1 %). По результатам оценок интервьюеров-экспертов и выборочных контрольных замеров, уровни владения отличаются в худшую сторону: хорошо владеют – 24,48% (минус 5%), плохо владеют – 24,28 % (плюс 1 %) и не владеют – 51,14 % (плюс 3 %).

Для определения жизнеспособности языка и грозящей ему опасности ЮНЕСКО разработало методологию оценки, которая включает девять критериев: 1) общее число носителей; 2) передача от

---

¹ 75 % от числа всех школ; сюда не вошли школы интернатного типа для особых категорий учащихся.

поколения к поколению; 3) отношение членов общины к родному языку; 4) области употребления языка; 5) государственная политика, включая его официальный статус и использование; 6) вид и качество документации; 7) использование языка в новых областях и СМИ; 8) наличие материалов для изучения языка; 9) доля носителей в общей численности населения [2]. «Каждый критерий оценивается по шестибальной шкале, или степеням опасности исчезновения: 5 – находится в безопасности, 4 – положение вызывает опасения, 3 – язык находится под угрозой исчезновения, 2 – язык находится в серьезной опасности, 1 – язык находится в критическом состоянии, 0 – язык исчез» [3, с. 5]. Оценка витальности, или жизнеспособности бурятского языка по всем девяти критериям находится в зоне 3-2 баллов, наибольший балл, по нашему мнению, бурятский язык может получить по критерию «отношение членов общины к родному языку» (4 б.), а наименьший по критерию «передача от поколения к поколению» – 1 б. Эта оценка наглядно иллюстрируется данными опросов 2015-2016 гг., приведенные в нашей работе выше. Данный факт весьма серьезный вызов витальности язык, а ее снижение, прежде всего, связывается «с отсутствием мотивации к его изучению, с меньшей престижностью родного языка по сравнению с другим, распространенным в стране» [3, с. 4]. Вслед за Э.Д. Сулейменовой в отношении бурятского мы также выделили бы отдельный критерий: «количество говорящих на языке среди младшего поколения носителей языка».

Обобщая семилетние социологические исследования по выявлению конкуренции языков в Татарстане, Л.В. Сагитова выделяет следующие основания данной конкуренции: 1) легитимность государственного языка¹; 2) символический статус; 3) инструментальная востребованность языка [4, с. 62]. В отношении бурятского языка, особенно в молодежной среде признаются все три основания, тогда как в детской, в силу возраста, можно говорить лишь о двух последних. При достаточно явном осознании бурятского языка как одного из государственных языков Республики Бурятия и его статуса как символа бурятской национальной культуры, наиболее слабо проявляется инструментальная востребованность. Для такого вывода, разумеется, необходимо привести цифровые данные, но и показателей приведенного социологического исследования вполне показательно. Далее, подводя итоги по части, касающейся татарского языка, автор добавляет эмоциональную функцию (или основание?), которая выражается в таких категориях, как «родной язык, язык моих родителей» [4, с. 64]. Эта функция в бурятском обществе также имеет тенденцию к снижению, поскольку родители, родственники старшего поколения автоматически переходят на общение с детьми, младшим поколением на русский, крайне редко оставляя бурятскому «конспиративную» функцию. В этом ключе критерий Юнеско «от поколения к поколению» стремится к показателю от одного к нулю, хотя в начале статьи мы дали этому критерию оценку «1 б.».

Описывая витальность казахского языка как проблему языкознания и языковой политики, З.К. Ахметжанова отмечает, что на регулярных конференциях «на слушателей выливается весь спектр эмоций: от резко отрицательно-пессимистических от откровенно бравурно-оптимистических» [5, с. 9]. Возьмем на себя смелость предположить, что такой сценарий характерен для многих языков, находящихся в трудной ситуации. В нашем, бурятском, случае это, как минимум, находит полное соответствие. Далее автор ратует не только за статусное, но и корпусное планирование языка, «которое, в свою очередь, может быть реализовано как путем крупных финансовых затрат со стороны государства, так и сознательными усилиями лингвистов, педагогов, журналистов и т.д.» [Там же]. Данный вид планирования подразумевает введение наряду со статусной и корпусной (интралингвистической) языковой политики, которая «направлена на преобразование корпуса, т. е. внутреннего устройства языковой формы» [6]. Ю.В. Кобенко предлагает заменить данные термины (статусное и корпусное языковое планирование) на более предпочтительные, по его мнению, термины: нормативное и функциональное языковое планирование, первое преследует цель сохранения нормы литературного языка, а второе – изменение норм литературного языка.

Существующие в Республике Бурятия языковая политика и планирование носит статусный, или нормативный, характер, в то же время в обществе стихийно возникает запрос на изменение норм литературного языка, подогреваемое группой людей, далеких от лингвистики, языковой политики и языкового планирования. Такие действия несут деструктивный характер, с другой стороны, возможно действительно, нужны некоторые реформы в кодифицированном языке, но реальная ситуация такова, что какие-либо изменения могут еще более ослабить жизнеспособность бурятского языка. Поэтому

---

¹ Заметим, что в этом основании имеется некоторое противоречие: «государственный» значит закрепленный законом, т.е. легитимный.

лингвистам, органам власти необходимо придерживаться нормативного планирования, которой «нацелено на повышение качества литературного языка» [Там же]. Предусматривать в языковом планировании очень важные, практически основополагающие показатели: общее число носителей (увеличение); передача от поколения к поколению; отношение членов общины к родному языку, а также повысить инструментальную востребованность языка. Эти параметры либо находятся на критическом уровне, либо стремятся к этому, если судить по тенденции, выявленной в ходе социологического исследования. В языковой политике необходимо придерживаться протекционистско-прагматической стратегии, которая предусматривает «меры, направленные на экономические результаты и защиту определенных языков с помощью различных преференций, льгот и стимулов» [7, с. 50]. Примечательно, что предпосылки к реализации этой формы языковой политики заложены в Закон РБ «О языках народов Республики Бурятия».

Проблема выживания бурятского языка заключается не просто в сохранении языка (он может сохраняться в аудио- и аудиовизуальных или письменных источниках, памятниках, даже при условии отсутствия «живых» носителей), а в увеличении числа говорящих, обеспечении передачи от поколения к поколению, расширению его общественных функций, что может быть обеспечено лишь грамотной языковой политикой, планированием. Это должно быть прерогативой органов власти и научного сообщества, а гражданское общество должно выступать партнером.

Литература

1. *Дампилов И.* Итоги языкового строительства Бурят-Монголии. Улан-Удэ, 1936. 48 с.
2. Методология оценки жизнеспособности языка и грозящей ему опасности [Электронный ресурс] // URL: <http://www.unesco.org/new/ru/culture/themes/endangered-languages/language-vitality/> (Дата обращения: 09.04.2019).
3. *Сулейменова Э.Д.* Витальность языка: поиски показателей измерения (Статья первая 1) // Вестник Казахстанского нац. ун-та. Сер. филолог. №2 (132). 2011. сс. 3-6.
4. *Сагитова Л.* Выживание татарского языка в глобализирующемся татарстанском сообществе: «За» и «Против» // Казанский федералист. №4 (20). 2006. сс. 60-66.
5. *Ахметжанова З.К.* Витальность казахского языка как проблема языкознания и языковой политики // Вестник ПГУ. Серия филологическая. – № 1. – 2010. – сс. 9-18.
6. *Кобенко Ю.В.* Языковая политика и языковое планирование в призме регуляции корпуса и статуса титульного языка // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – № 1. – Т. 1. Филология. – 2010. – сс. 193-198. // URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17639358_29828622.pdf
7. *Дятленко П.И.* Языковая политика и языковые реформы в государственном и национальном строительстве (аналитический обзор) // Социологическое обозрение. – Т. 6. – № 3. – 2007. – сс. 49-59.